

8407
К 82

КРИКУНОВ

Константин

**Календарик
с вороной**

2 ✓

Константин КРИКУНОВ

84907
£ 82

70519
61507

Календарик с вороной

Стихи 1983—1990

АРМАВИРСКАЯ ОБЛАСТНАЯ
КНИЖНО-ИНФОРМАЦИОННАЯ ЦЕНТРАЛЬ
БИБЛИОТЕКА № 10
- МБ0

Армавир, 1990.

Календарик пуст без пометок. Мы нарисовали в нем, как умели, ворону. Или написали: «день рожденья». Или заштриховали весь лист желтым карандашиком. Зачем — кто его знает. Просто попался под руку еще не расцвеченный денек.

Прошел год — пора расправлять скрепки нового календаря. А пролетаешь под слочкой странные странички старого — может и вспомнишь, как жил.

И все.

Я не вижу принципиальной разницы между полурифмованной, со сбивающимся дыханием моей страничкой и грозным явлением в календаре истории.

Божий день пришел и тронул
светлой ручкой занавески.

Тихо в комнате твоей.

Бабушка, если просили, читала:

«Горит восток зарею новой,
уж на равнине по холмам
грохочут пушки, дым багровый
клубами всходит к небесам.»

Мой мальчик, ты спишь? Засыпаю.

Бабушка ходит, читает:

«Здесь каждый Отчизну с младенчества любит
и душу изменой своєю не погубит...»

Тихо на земли твоей, не считаем дней.

Божий день пришел и тронул
детской ручкой — занавески.

Из картонной коробки
настольной игры
и двух маминых зеркалец
я смастерил перископ.
И увидел я пыль на высоком шкафу,
медведя без лап
и костяные часы.

А если бабушка умрет,
поставлю
стул на стул,
часы достану, заведу,
а пыльного медведя
и трубу
четырёхгранную —
сожгу.

Нужно нам спокойно
относиться к смерти
игрушек, близких и друзей.

Вот Новый год, а елка не горит,
вино в бокалах фосфоресцирует,
но страха нет в зрачках.

Бежит медведь с метелью на рогах
по крышам. И снежинки
сверкают в окнах...

Вот!

Но спят охотники,
он не из их угодий.
Он — выдумка,
как выдумка, что Новый год пришел,
и к чьей-то люльке
склонялись зверя два: медведь, осел и вол.

Под небом мой домик,
дождик идет.

Как спится в кроватке,
как спится в кроватке
за тонким январским стеклом?

Дождик идет,
и в желтых одеждах вороны.

Январь, или ранняя осень?

Не все ли
тебе, просыпаясь в простынках, равно.

ДЕНЬ * * *

Вечер без сказки.

Две кошки едят свою кашку.

Вечер — уехал.

Две женщины в комнате черной
в открытых халатах.

* * *

Дочка и дворик.

День января.

Снег проходит,

сверчок убегает

в желтую книгу.

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Тебе нравится мое платье?

Мне нравится твоя прическа.

Тебе нравится моя прическа?

Прическа.

* * *

Поезд едет, а в нем все подряд,
пишет писатель, а он глуповат,
спит жена, а она не нужна,
тает вода, а на крышах лежит снег.

* * *

В тюбиках краски пылятся на полочке,
красные тапочки под желтой елочкой,
старушки-снегурочки,— черт знает что!—
благословляют на ранние браки,
если свидетель в желтом пальто.

* * *

Каждый вечер

до темна

Луна.

Гаснет небо.

Кажется так.

Ночь!

Бедная!

У меня ничего нет.

Отмыли окна и —

ужас высоты,

и смрад весны,

и снег еще,

и, думают, что — жизнь.

...Слонялся день,

дурачился,

подпрыгивал,

плакал.

И — ночь!

Откройте окна,

погасите лампы!

И даже подоконник

в отпечатках мокрых женских лапок!

Ночь,

негатив, просвеченный на лампу...

* * * * *
О том же оном

уже вышло,

Пробило 12. и сиречь весте и

Я чисто оделся. и сиречь сиречь и

И вышел на море. и сиречь и

На улицу.

И — (но)

Откройте оныя,

ищите там.

И даже идиотски

и отрезали норовы и сиречь и сиречь

И вот,

и сиречь и сиречь и сиречь

* * *

Я шел по проспекту и видел черты коммунизма,
упрятал в больничные окна жену и доволен,
о счастье кожи — дыхание женщин,
и глупость претензий мужчин.
Слагается день, догорает в помойках,
и окна светлы, как и взоры за чашкою кофе,
а лица больны, как сравненье любое,
но бог состоялся, как легкость свободной от женщины
плоти, —
усмешка — и нету.

Ты вышел,
и выше
фонарики тлели.
И ночью — прозрачное небо.
Оно совершенно,
как лист без стихов и прозы.

61507

Однажды шел я
и нес пачку сахара,
шел в белой свободной рубахе,
на работу шел, как на праздник.
И голуби взлетали,
и с лавочек смотрели ветераны,
и голоса детей,
и проходили две собаки.
Запоминай:
на лавке — дремала
в профиль — ворона,
я выкурил две сигареты,
она — ни одной.

* * *

* * * * * Одиноким несёт

и несёт парку сахару.

...кузнечики венчались,

срезали косы луг,

и пятки кос чертили четвертькруг.

И, как восток, восток, восток, и

и восток, восток, восток, восток, и

и восток, восток, восток, восток, и

Завтрак:

и восток — восток

и восток — восток

и восток, восток, восток, восток, и

и восток — восток.

Как суслик Евражка —

я обрываю

лиловый лишайник со скал.

Как суслик Евражка —

губами.

Как суслик Евражка —

в душе так мало

любви к людям,

больше — любви к скалам.

* * *

Уже за полдень. Я предлагал
этому дню свое понимание сада,
закрывая окно шторкой зелено-красной,
и слушал голоса,
ничего не оставляя себе.

* * *

За моим окном — далеко — метров 70 — ветка акации.

Утром Луна, как желтенькое стеклышко,

днем Ворона, как акварельная черточка,

ночью Планета, как синенький глазик.

Так смотрю: кто из нас навсегда?

* * *

У женщины есть жест
у мальчиков
есть крылышки у существа вечерней лампы
все есть у ночи
и женщины и мальчики и крылья
как у существа
как фосфор в брюшке
светлячка

* * *

...сто взмахов лампы-мотылька,
горит оконце, а пока —

твой дом и твой чудесный сад,
и бьются яблоки в стекло,
но опадут.

Я дерева растил, как мальчик — себя,
а рифмовал — пока.

Я сад растил корнями вниз,
а головами — в небеса,
плодами — в дачу, на кровать.

Я говорю вам: яблоки собрать.

* * *

Воду в бочки льет сентябрь,
и вода зеленых крыш,
и вода железных листьев,
и вода в тяжелых бочках
пахнет лесом и железом.

* * *

Ливни свинцовые лягут на город,
на веси.

Ливни свинцовые цокнут копытом цветным —
и сентябрь.

Ливни о-город, вокруг,
так называется полоса дождей.

Ой убого, окаяной дур,

и бабичья, и гонимая,

и кривая,

взвешенная на весы

последнего бабичья — дур.

* * *

Гола постель.

Октябрь

отпразднован.

Протрешь окно,

и легкий снег

огромен.

ГЕРМАН ГЕССЕ. Вольный перевод.

* * *

Ноябрь. Условные знаки — деревья,
тяжелые злаки твои — никуда.

Простишь за глагол ли — проходит.

.

Звук твой и знак — вода.

Деревья и злаки смертны.

Об этом ли воет ветер?

Об этом, осенний мир,

и бабочки, и соцветья,

и крылья,

влекома по свету

последняя бабочка — лира.

* * *

Ты встала: снег.
Подошла к большому холодному зеркалу.

Наступила зима
после дождей.

* * *

О миллионы звезд, мириады!

Я говорю вам: яблоки собрать!

Проходит осень и приходит

нелюбовь к квартире.

Скучно: два плюс два — четыре.

Пошло: после ноября — январь, Новый год...

Я говорю вам: яблоки не есть,

нет, зиму зимовать!

* * *

...Тихо, пурга.

Апельсин в окошке,

аукается луна.

Снежная ночь на земле.

Ночь: желтый цитрус и чай.

Умницы постели,

рафинированные любовники!

Завалы снега на улицах!

А уехали на птичий юг...

Никогда не вернутся туда, где зима.

Где на земле, где зима?

ФАУСТ

Все: страсть: ничто.

Смени на милость.

Жертвоприношения жене
смени на жалость.

Любовь — на ямб.

Другие океаны —
свинца и золота — Тебе!

СТРОЧКА

В дальние комнаты ночь.

Окна как крылья цветут за спиной в снегу.

* * *

вздохни и смотри

утром

водичка цвела

стихи

* * *

Так что же было?

Вот:
машинка цвета люкс
имела форму механизма,
который делает слова,
она их так,
а я — наоборот.

Вот:
на дереве зимы
цвела ворона
как
прищепка.

Вот:
в заснеженном лесу —
весь — фейерверк секунд!—
открылась дверь,
в нее вошла жена,
держа подсолнух.

* * *

В дверь постучали.

Это — меня.

Это — коня привели.

Корм для коня —

это жена.

А для меня

в доме найдется яйцо?

Впустите же их!

За стеной шаги.
А стенка пуста,
в ней бегают крысы
на второй этаж.
У каждого свое для жилья,
не убежишь.
Но снаряды-крысы
пробивают потолки и стены.
И соседи вбивают шаги
при свете, как воры.

О мне пройти по светлым коридорам!

А. К.

Мой друг, полночь!

Мой друг, полночь

сыграла свой гимн,

ты все не спишь,

о чем ты хлопочешь?

Друг мой, о ночь!—

не боишься?

Т-ш!

И я, как ты, из зажигалки

высасываю пламя...

Друг мой, скажи,

как жить при таком неумении жить?

«Ничего я не знаю.

Знаю, как только погаснет полночное пламя,

знаю, что полночь, что смерть

не замедлит.»

А. Ф. Т.

Взял три сумки и уехал.

Ночи доброй, мой Помор!

Поезд скор!

И кофе — черный!

Ехай!

ПЕСЕНКА

* * *

Жизнь прошла — и ни ты-я
Окна с белым попугаем,
в стараной ружаке,
крыши города под снегом.

Я один в своем окошке,
— Ты один в своем окошке,
никого тебе не надо.

Ах, и детки твои
все как люди жавути,
все малыши-улыбки,
все с ножками — для все.

Ах, и все хороши,
говарю ты — ни ты-я,
пятаки на лавочке,
в белых платьях —
не сморщатся...

ПЕСЕНКА

Жизнь прошла — и ни гу-гу,
сиди, дурень, во гробу
в стираной рубахе.

Ах, твои соловьи
все — живые,
а записки твои
все — сожгли.

Ах, и женка твоя
ни с другим не спала,
и не водку пила,
а вино.

Ах, и детки твои
все как люди живут,
все мальцы-удальцы,
все с ножами — как все.

Ах, и все хорошо,
только ты — ни гу-гу,
пятаки на глазах,
в белых пальцах —
не сигарета...

Уже входят в твой дом,
где стихов простейший напев,
где букаха на пальце сидит
и рассматривает тебя,
где горланят твои соловьи
в раскорячевшемся шкафу.
Уже входят в твой дом,
и на бедный всходят твой стол,
наступают на радостный рот,
где стихов простейший напев.

Как вот ты вы, девочка,
девочка-перышко-клубочек:
раскрыты в красные платки
и выйдешь расклад о себе
уловки в струну и летучий
а на листочке — только вы,
и вы бурлящим духом.

ВЕСЕНЬ

Жизнь пришла — в сердце твоем
* * * * *
Летней вышесточил выхитя лет
в старинной рубашке.

Снег и снег.

Ах, Графичен сад.

В алом машинка
с клавиатурой.

Небо — вне красок,
на крыльях красных.

Ах, в детки твои
все как зима летит,
все жарким-улыбкой,
все с пошамки — все все.

Ах, и все хорошо,
только ты — не гуру,
после не гадать,
и белых пальцах —
на киварте...

* * *

Девочка, красное платье,
вас ли еще рисовать?

Мне, рисовальщику-анималисту

свиной самого себя,

мне, слышателю антигармоний

о том, где законы и свет,

мне, живописателю анти-с-натуры

цветов, не растущих нигде,

мне, гармонисту февраля в Армавире,

в котором ни музыки, ни февраля.

Так вот же вы, девочка,

девочка-первая-строчка:

раскрасим в красное платье,

а выйдет рассказ о себе,

уходим в страну аллегорий,

а на листках — только вы,

и ни буквы лжи.

Это небо стальное.
Эта капля воды на ладони — монета.
Это я безглаголен, это я улетаю на юг.
Эти птицы и крики,
этот полный бардак — не ансамбль.
Этот город
 на Невском,
 на Невках,
 на небе,
 под медной
десницей
 Петра —
 принимаю.
Прощаюсь.
Вот и утром
по медленным рельсам трамвайным
вкатили, простили весну.
Это — все.
Это — вам.
Этот город — подарен.
Это все я не лгу,
Это все не прощаюсь...

* * *

Труд дворников,— бог помощь!

Твоим ногам — напитки баров

и Ангел — твой болгарин.

У ног болгарин пел: коман са ва.

Меня хранил шотландский нежный шарфик,

я уезжал на Финляндский вокзал.

Расти, плодись, болгарский овощ!

Труд дворников,

труд органов любви

болгарина,—

бог помощь!

* * *

Я хочу умереть, нет, жить ради дочки, разбившей губу,
ради дочки, глотающей кровь в истерике, соплях

и слезах!

Ах, говно, ах, эстетство: веревка и крюк колыбельный,

и — бух,

мировая трагизма, и пьянство, и ложь на земле,

и никого в небесах!

Не вешаюсь и не живу: пью и пишу, и на ночь

стираю носки.

...Падает дочка толстым прекрасным лицом

на мостовую Москвы.

Когда мне сказали: «Вольно»,

я сделал на каблуке и носке полукруг,

но упал, и закрыл лицо, заплакал

как подобает солдату: рот разевая беззвучно,

и клювом вцепился в сапог старшине,

и сказал:

«Бедный товарищ, давай улетим!»

И полетел

над дорожкой Воинской славы,

за угол казармы, и за КПП.

И ребята бежали...

... * * * ...

...так мышка спит в подсолнечника теплой шелухе,
украва кусочек пахнущего жира,
сложивши крылья,
подрагивающие от тревог...

★ ★ ★

В углу окна — бабочка.

И воет она — всю ночь!

Спит трехлетняя дочка с женой,

и у каждой лицо — луна!

Мы с крыльями трепета — я и она,

с крыльями, сами с собой!

Спи, дочка.

Бабочка, в бой!

МОЕЙ ПОДРУГЕ

(Р.-М. Рильке. Вольный перевод.)

Покойница лежала на столе, и я ее оставил
осматривать свой новый дом и привыкать.

Но был я удивлен: так выбелены стены.

Ужасный день, не правда ли, дружок?

А проще: что

страх смерти там, тебе,

где слово ничего не значит...

* * *

Что моя молодость?—

только полет

птицы

по красному черному небу.

Что эта женщина?—

зеленое яблоко

дерева

на территории чьей-то.

Там ждет нас осенний юг,

и домик — бывший трактир,

там бедные птицы поют,

и — навсегда — один.

* * *

и в пространстве

я только страх пред птицей

перед ее движением на небе

поджатыми к груди когтями

для птицы — это —

двигаясь — и

вот — и

и — и

КРАСНЫЙ СВЕТ

над лесом — красный свет
и тело женщины — на фотографии
и — камни —
и — утро —
и — утро — и — холод
красных камней,—
озеро —
так
пробует свое в пространстве тело
на точность и на свет —
она —
над лесом —
красный свет

КРАСНЫЙ СВЕТ

Окна
на звук
иду
проспект
и ночь
видна
как тело женщины на фотографии

РОГ ИЗОБИЛИЯ

(Р.-М. Рильке. Вольный перевод.)

Взмах и форма данного эфеса,
и богини мраморны персты;

шпагу обнажи, мой друг чудесный,
наши сухожилия просты:

это в глубине ее простого тела
тлеет огонь, и зреет плод,

в дом заходит гость, и древо
тяжесть яблока не сдерживает боле.

И цветок верховный зреет в поле
красный, потому что на восток,
и колеблется едва, и овны
блеют, или — кровь, и существует — бог.

Да созреет плод, божественная дева,
с сердцем красным, движимым тобой,
все создання бога, все создання хлева
и чудесное — над головой.

Она стоит, и выше — солнце
роста человека, в пальцах — плод,
вода, зеленая от трав и солнца
словно — дар и, кажется — поет.

(Полное собрание сочинений)

Ночь, Ленинград ест,
на кухнях гремят посудой и плачут,
Л., ленточка, хвостик входит в комнату и выключает свет:

страшно в лесу!—
строительный кран идет с фильмоскопом,
и тени оконных цветков бегут чередой,
и японка щеку подпирает рукой.

Мы смотрим, как девочка смотрит в окошко,
как песик подходит к порожку и трется ушами,
как товарищ взмахнул простыней и погас...

Бабочка в шелковом платье говорит с ней:
«Одна в лесу лампочка,
одно яблоко,—
Исаакий.»

Ночь.
Синий цветок газа.

САД БЕЗ МЕТАФОР

Падает в волосы вишня сухая,
идти ли,
дома зажигают в туманах,
и светлеют до света постели,
не дождавшись из сада любовниц,
или же главарей из преступного мира.
Дети проснулись, уже собираются в ясли,
где в кастрюльках серебряных варятся яйца,
солит пальцы в порезах девица.

Идти ли?

Если ливнями сорваны паутины,
если пусто в расхристанном этом саду,
и Орфей и Вергилий
идут в сандалетах
холодной и легкой землей.

Утренник детский!

Хоть елочку празднуй,—
так просто!

КАЛЕНДАРИК С ВОРОНОЙ

I

Сентябрь — стеклянная ворона.

Графинчик с водкой золотой!

Стоит денек — стакан граненый

с дистиллированной водой!

Октябрь — ворона с кислой мордой

уходит в черную калитку,

уходит в красную калитку,

как в календарик ноября.

Декабрь — десятая ворона

клюет стекляшки в ювелирном

на черном бархате старинном

ночного неба января.

II

Стоит стакан опустошенный.

Летит, шатается ворона.

«Осенний сад» стоит у горла.

Он остеклен.

III

На небо выходит живая ворона.

Летит над Невой неживая кобыла.

Жених и невеста на медной деснице
свивают гнездо,

а елка
растет, как ворона,— на лапке.

В желтых иголках —

февральские лужи.

Шары золотые, стеклянные звезды,
стеклянные ягоды — в хрустящую воду!

Плывут финтифлюшки

с приставшею ватой...

IV

Где вороны выли —

куриного сулика смрад.

К юной невесте

приходит прыщавый март.

V

Поймали ворону и свадьбу сыграли —
 уу! — морды с усами, глазами
 стеклянными — кошки
 орали на перчиках красных
 под месяцем ясным
 до светлого праздника Пасхи Христовой.
 С яичком раздавленным люди приходят
 и красят калитки.

VI

Откуда приходят июни-июли?
 Зачем на зеленом пропали вороны?
 Кто кормит и поит зеленых лимонниц,
 слетающих в садик?

Поет ворона черным клювом,
 блок-флейта у лица.

Налей стакан томатным соком,
 и август сядет на крыльце.

VII

Часики ходят железно-стеклянные.

Спит детка моя — календарик.

Уходим. Над нами
 камень летит, озираясь.

- ⊙ ИЗДАТЕЛЬ — Армавирское городское отделение Союза журналистов СССР.
- ⊙ СБОРНИК выпущен за счет средств Армавирской фабрики нетканых материалов.
- ⊙ ПРИБЫЛЬ ОТ РЕАЛИЗАЦИИ КНИГИ перечисляется на счет Армавирского дома ребенка. (Жилсоцбанк СССР, счет № 016130908).

Константин Евгеньевич КРИКУНОВ

КАЛЕНДАРИК С ВОРОНОЙ

Редактор А. Ф. Титов.

Художественный редактор А. В. Керзум.

Технический редактор В. З. Богатов.

Корректор В. Н. Полозов.

Константин Крикунов род. в 1963 г.

1980—1985 учился в Ленинградском государственном университете. Работает журналистом в г. Армавире.

«Календарик с вороной» — его первая книга.

© Крикунов К. Е., 1990 г.

Сдано в набор 13.12.90. Подписано к печати 25.12.90. Формат бумаги 84 x 108/32. Бумага тип. № 3. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 3,36. Усл.-кр. отт. 3,47. Уч. изд. л. 3,42. Тираж 2000 экз. Заказ 2050-у. Цена 1 руб.

Армавирское производственное полиграфическое объединение управления печати и массовой информации Краснодарского крайисполкома. 352900, г. Армавир, ул. Комсомольская, 123.